

**Сю Эжен**

# **Вечный жид**

**Москва  
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3  
ББК 84-4  
Э28

Э28      **Эжен С.**  
Вечный жид / Сю Эжен – М.: Книга по Требованию, 2025. – 122 с.

**ISBN 978-5-519-76145-1**

**ISBN 978-5-519-76145-1**

© Издание на русском языке, оформление  
«YOYO Media», 2025  
© Издание на русском языке, оцифровка,  
«Книга по Требованию», 2025

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первоизданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.



Серия Книжный Ренессанс

[www.samizday.ru/reprint](http://www.samizday.ru/reprint)



Черезъ нѣсколько минутъ молчанія, прерываемаго только шумомъ вѣтра, слышались на площадкѣ лѣстницы чьи-то тяжелые и медленные шаги.

Дверь отворилась.

Вошелъ Дагоберъ; за нимъ Угрюмъ.

Горбунья, внезапно пробужденная, быстро подняла голову, встала со стула, поспѣшно подошла къ отцу Агрикола и спросила его:

—Ну что, г-нъ Дагоберъ, добрыя-ли вѣсти принесли вы?... Успѣли-ли?...

Горбунья не могла продолжать: такъ сильно поразило ее мрачное выраженіе Дагоберова лица, погруженного въ свои размышленія; онъ, по видимому, не замѣтилъ сначала швеи, съ видомъ глубочайшаго отчаянія бросился на стулъ, оперся локтями на столъ и закрылъ руками лице.

Послѣ долгаго размышленія, онъ всталъ и сказалъ въ полголоса:

—Непремѣнно надобно, непремѣнно!...

Сдѣлавъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, Дагоберъ сталъ оглядываться вокругъ, какъ будто чего-то искалъ; потомъ, спустя минуту, онъ устремилъ взоръ на лежавшій подлѣ печки желѣзный пруть въ два фута величиною, служившій для поднятія чугунной крышки когда она была очень горяча, взялъ этотъ пруть, осмотрѣлъ

его внимательно, привѣсилъ въ рукахъ и съ довольнымъ видомъ положилъ его на комодъ.

Горбунья, удивленная продолжительнымъ молчаніемъ Дагобера, слѣдовала за его движеніями съ робкимъ и безпокойнымъ любопытствомъ; но вскорѣ ея удивленіе замѣнилось ужасомъ, когда увидала она, что Дагоберъ взялъ свой мѣшокъ, лежавшій на стулѣ, развязалъ его и, вынувъ пару пистолтовъ, началъ осторожно пробовать замки.

Швеса, объятая страхомъ, не могла воздержаться отъ восклицанія:

—**Боже мой!** г-нъ Дагоберъ, что такое вы хотите дѣлать?

Солдатъ посмотрѣлъ на Горбунью, какъ будто увидалъ ее только въ первый разъ, и сказалъ ей дружескимъ, но отрывистымъ голосомъ:

—Здравствуй, дочь моя!... Который часъ?

—Сей-часъ только пробило восемь часовъ на башнѣ Сень-Мерри.

—Восемь часовъ! сказалъ Дагоберъ, разговаривая съ самимъ собою. Только еще восемь часовъ!

И положивъ пистолеты подлѣ желѣзнаго прута, онъ снова погрузился въ размышленія, бросая вокругъ себя безпокойные взоры.

—Г-нъ Дагоберъ, осмѣлилась наконецъ спросить Горбунья, и такъ вы не принесли намъ добрыхъ вѣстей?

—Нѣтъ!

Это слово солдатъ произнесъ такимъ рѣзкимъ тономъ, что Горбунья, не осмѣливаясь обратиться къ нему съ новымъ вопросомъ, сѣла въ молчаніи на прежнее мѣсто. Угрюмъ положилъ свою голову на колѣни молодой швеш и, казалось, съ такимъ-же любопытствомъ, какъ и она, слѣдилъ за всѣми движеніями Дагобера.

Дагоберъ снова погрузился въ задумчивость, продолжавшуюся нѣсколько минутъ; потомъ подошелъ къ постели, снялъ простыню, началъ по видимому вымѣривать глазами ея длину; потомъ, обратясь къ Горбуньи, сказалъ:

—Ножницы!

—Но, г-нъ Дагоберъ....

—Подай мнѣ ножницы, дочь моя, сказалъ Дагоберъ ласковымъ голосомъ, который однакожь показывалъ, что онъ желалъ, чтобъ ему повиновались.

Горбунья взяла ножницы изъ корзинки, въ которой лежала работа Франциски, и отдала ихъ солдату.

—Теперь возьми отдѣло за другой конецъ и держи крѣпче.

Въ нѣсколько минутъ Дагоберъ разрѣзалъ простыню вдоль на четыре куска, ссучилъ ее весьма туго, сдѣлалъ родъ четырехъ веревокъ, связалъ въ разныхъ мѣстахъ шнурками, которые подала ему швея, чтобъ простыня не могла рассучиваться. Изъ этихъ четырехъ кусковъ, крѣпко связанныхъ по концамъ, сдѣлалъ онъ одну веревку, длиною по-крайней-мѣрѣ футовъ въ двадцать. Этого ему было недостаточно, потому-что онъ говорилъ самъ про себя:

—Теперь мнѣ-бы пужно найти крючекъ.

И онъ снова началъ искать вокругъ себя глазами.

Гербунья, страхъ которой увеличивался болѣе и болѣе, потому-что она не могла сомнѣваться въ намѣреніи Дагобера, сказала ему робко:

—Г-нъ Дагоберъ, подождите Агрикола! Если онъ такъ замыкался, то навѣрное придетъ съ добрыми вѣстями.

—Да, сказалъ солдатъ съ выраженіемъ горькаго чувства и продолжая искать глазами тотъ предметъ, котораго не доставало ему, съ такими-же добрыми вѣстями, съ какими пришелъ я. Потомъ прибавилъ: Но все-таки мнѣ должно сыскать крѣпкій желѣзный крюкъ.

Оглядываясь то въ ту, то въ другую сторону, солдатъ нашелъ одинъ большой мышокъ изъ толстой холстины, принадлежавшій къ числу тѣхъ самыхъ, шитьемъ которыхъ занималась

Франциска. Онъ взялъ его, развязалъ и сказалъ Горбуньѣ:

—Дочь моя, положи туда желѣзный пруть и веревку. Мнѣ гораздо удобнѣе будетъ перенести это туда.

—Ахъ, г-нъ Дагоберъ! вскричала Горбунья, исполняя его приказаніе, вы уходите, не дождавшись Агрикола, въ то самое время, когда онъ, можетъ быть, идетъ сюда съ добрыми вѣстями!

—Не безпокойся, дочь моя, я дождусь его. Мнѣ нельзя уйдти отсюда раньше десяти часовъ. Время еще терпѣть.

—И такъ, г-нъ Дагоберъ, вы потеряли всю надежду?

—Напротивъ того, я крѣпко надѣюсь, но только на самого себя.

Дагоберъ скрутилъ верхнюю часть мѣшка такъ, чтобъ завязать его; потомъ положилъ его на комодъ подлѣ пистолетовъ.

—По-крайней-мѣрѣ дождетесь-ли вы Агрикола?...

—Конечно, если онъ придетъ прежде десяти часовъ.

—И такъ вы непременно рѣшились....

—Непремѣнно! Но если-бы я былъ такъ сурьренъ, что могъ вѣрить *предвѣстіямъ несластіа*....

—Иногда предвѣстія не обманываютъ насъ, сказала Горбунья, думая только о томъ, какъ-бы отъворотить Дагобера отъ его опаснаго намѣренія.

—Да, продолжалъ Дагоберъ, старыя кумушки говорятъ это, хотя я и не принадлежу къ ихъ числу, но только при одномъ воспоминаніи о томъ, что я сей-часъ видѣлъ, сердце у меня сжимается невольно. Впрочемъ, я, безъ сомнѣнія, принялъ-бы движеніе гнѣва за предчувствіе....

—Что-жъ вы такое видѣли?

—Я разкажу тебѣ, моя добрая Горбунья, по-крайней-мѣрѣ мы сократимъ этимъ разговоромъ время, а оно мучительно для меня тянется. Вотъ видишь-ли.... Потомъ, вдругъ, прервавъ начатый разсказъ, онъ спросилъ: Не полчаса-ли это сей-часъ ударило?

—Да, г-нъ Дагоберъ, половина девятого.

—Еще остается полтора часа, сказалъ Дагоберъ глухимъ голосомъ. Вотъ что я видѣлъ: проходя по улицѣ, не знаю только по какой, я взглянулъ нечаянно на огромную красную афишку, на которой нарисованъ былъ черный пантеръ, пожирающій бѣлую лошадь. При видѣ этого изображенія, кровь во мнѣ закипѣла, потому-что черный пантеръ разтерзалъ моего стараго бѣлаго коня, который былъ спутникомъ Угрюма, и котораго звали Весельчакомъ.

При этомъ имени, столько нѣкогда знакомомъ мнѣ, Угрюмъ, лежавшій у ногъ Горбуньи, бы-

стро приподнял голову и посмотрѣлъ на Дагобера.

—Посмотри-ка, и у звѣрей есть память: онъ вспомнилъ о немъ, сказалъ солдатъ и самъ невольно вздохнулъ при этомъ воспоминаіи.

—Ты все еще помнишь Весельчака, прибавилъ онъ, обратясь къ Угрюму.

Услышавъ снова это имя, которое хозяинъ его произносилъ растроганнымъ голосомъ, Угрюмъ заворчалъ и началъ тихонько прыгать, какъ-бы стараясь доказать этимъ, что онъ не позабылъ своего стараго дорожнаго товарища.

—Въ самомъ дѣлѣ, г-нъ Дагоберъ, сказала Горбуня, не возможно было не опечалиться, увидавъ на афишкѣ этого чернаго пантера, который терзалъ лошадь.

—Это еще ничего: ты увидишь, чѣмъ кончится дѣло. Я подхожу къ афишкѣ и читаю, что нѣкто Морокъ, прибывшій изъ Германіи, станетъ показывать на театрѣ разныхъ дикихъ звѣрей, которыхъ усмирилъ онъ, и между ними огромнаго льва, тигра и пантера съ острова Ивы, называемаго Смерть.

—Какое страшное имя! сказала Горбуня.

—И оно покажется тебѣ еще страшнѣе, когда узнаешь ты, что тотъ пантеръ тотъ самый, который задушилъ моего бѣднаго Весельчака подлѣ Лейпцига, четыре мѣсяца тому назадъ.

—Ахъ, Боже мой! вы правду говорите, г-нъ

Дагоберъ, сказала Горбунья: въ самомъ дѣлѣ это страшно!

—Выслушай еще, продолжалъ Дагоберъ, черты котораго постепенно омрачались, это еще не все. По милости этого Морока, хозяина чернаго пантера, я и бѣдняжки мои были заключены въ тюрьму въ городъ Лейпцигъ.

—И этотъ злой чловѣкъ въ Парижѣ? спросила Горбунья. Ахъ, вы правы, г-нъ Дагоберъ! Надобно вамъ остерегаться: это самое дурное предвѣстіе.

—Да, для этого мерзавца, если я встрѣчу его! провизнѣлъ Дагоберъ глухимъ голосомъ; потому что намъ надобно покончить старые счеты.

—Г-нъ Дагоберъ! вскричала Горбунья, приложивъ ухо: кто-то спѣшитъ по лѣстницѣ. Это Агриколь!... Онъ несетъ добрыя вѣсти, я въ томъ увѣрена.

—Вотъ и дѣло! съ живостію сказалъ солдатъ, не отвѣчая Горбунѣ. Агриколь кузнецъ: онъ найдетъ такой желѣзный крюкъ, который для меня нуженъ.

Черезъ нѣсколько секундъ дѣйствительно вошелъ Агриколь; но, къ сожалѣнію, съ перваго взгляда швея могла прочесть по разстроеннымъ чертамъ его лица, что всѣ надежды, которыми она ласкала себя, разрушились.

—Ну что? сказалъ Дагоберъ тономъ, ясно

выражавшимъ, что онъ мало надѣется на успѣхъ попытокъ его сына.—Что новаго?

—Ахъ, батюшка! стоитъ сойдти съ ума или разбить себѣ голову объ стѣну! вскричалъ съ запальчивостью Агриколь.

Дагоберъ обратился къ Горбуну и сказалъ:

—Ты видишь, дочь моя! я былъ увѣренъ въ этомъ.

—Но какъ твои дѣла, батюшка? спросилъ Агриколь. Видѣлъ-ли ты графа Монбронъ?

—Графъ Монбронъ, дня три тому назадъ, уѣхалъ въ Лорренъ. Вотъ всѣ мои извѣстія, отъѣчалъ солдатъ съ горькою проницей. Посмотримъ, каковы-то твои. Расскажи все яснѣе.... надобно твердо быть увѣрену въ томъ, что, обращаясь къ парижскому правосудію, которое, какъ недавно самъ ты говорилъ, даетъ покровительство и защиту честнымъ людямъ, хотя мы встречаемъ иногда такіе случаи, которые представляеть оно и на волю мошенникамъ. Да, я имѣю надобность въ этомъ увѣреніи... Да еще мнѣ нуженъ крюкъ. Я полагался на тебя на счетъ двухъ вещей....

—Что ты хочешь сказать, батюшка? Я не понимаю тебя.

—Расскажи напередъ, что ты дѣлалъ. У насъ еще довольно остается времени; недавно только ударило половину девятого. Разставшись со мною, куда ты пошелъ?

—Къ комиссару, который получилъ уже твое объявленіе.

—Что-же онъ сказалъ тебѣ?

—Выслушавъ очень обязательно все дѣло, онъ отвѣчалъ мнѣ, что молодыя дѣвушки, судя по всѣмъ донесеніямъ, находятся весьма въ почтенномъ мѣстѣ—въ монастырѣ; что нѣтъ никакой крайней необходимости брать ихъ оттуда; что онъ не можетъ взять на себя отвѣтственности нарушить спокойствіе мирнаго убѣжища по поводу одного только простаго донесенія; что завтра отъ отнесется рапортомъ къ кому слѣдуетъ, и что впослѣдствіи времени послѣдуютъ все дѣло.

—Впослѣдствіи времени! Видишь-ли ты, вѣчно отлагательства! сказалъ солдатъ.

—Но, милостивый государь! отвѣчалъ я ему, продолжалъ Агриколь, надобно дѣйствовать сію-же минуту, въ нынѣшній-же вечеръ, даже въ нынѣшнюю-же ночь, потому-что если эти молодыя дѣвушки не будутъ находиться завтрашній день утромъ въ улицѣ Св. Франциска, то могутъ потерпѣть неисчислимую потерю. «Это для меня очень неспріятно», отвѣчалъ комиссаръ; «но еще повторяю вамъ, по одному простому вашему объявленію, равно какъ и вашего отца, не принадлежащаго, также какъ и вы, къ числу родственниковъ этихъ молодыхъ дѣвушекъ, я не могу вступать въ формальное противорѣчіе съ законами, которыхъ не возможно нарушить даже и по просьбѣ семейства. Правосудіе имѣетъ так-